

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Царевна-лягушка

В старые годы у одного царя было три сына. Вот когда сыновья стали на возрасте, царь собрал их и говорит:

– Сынки мои любезные, покуда я ещё не стар, мне охота бы вас женить, посмотреть на ваших деточек, на моих внучат.

Сыновья отцу отвечают:

– Так что ж, батюшка, благослови. На ком тебе желательно нас женить?

– Вот что, сынки, возьмите по стреле, выходите в чистое поле и стреляйте: куда стрелы упадут, там и судьба ваша.

Сыновья поклонились отцу, взяли по стреле, вышли в чистое поле, натянули луки и выстрелили.

У старшего сына стрела упала на боярский двор, подняла стрелу боярская дочь. У среднего сына упала стрела на широкий купеческий двор, подняла её купеческая дочь.

А у младшего сына, Ивана-царевича, стрела поднялась и улетела сам не знает куда. Вот он шёл, шёл, дошёл до болота, видит –

сидит лягушка, подхватила его стрелу. Иван-царевич говорит ей:

– Лягушка, лягушка, отдай мою стрелу.

А лягушка ему отвечает:

– Возьми меня замуж!

– Что ты, как я возьму в жены лягушку?

– Бери, знать судьба твоя такая.

Закручинился Иван-царевич. Делать нечего, взял лягушку, принёс домой. Царь сыграл три свадьбы: старшего сына женил на боярской дочери, среднего – на купеческой, а несчастного Ивана-царевича – на лягушке.

Вот царь позвал сыновей:

– Хочу посмотреть, которая из ваших жён лучшая рукодельница. Пускай сошьют мне к завтраму по рубашке.

Сыновья поклонились отцу и пошли.

Иван-царевич приходит домой, сел и голову повесил. Лягушка по полу скачет, спрашивает его:

– Что, Иван-царевич, голову повесил? Или горе какое?

– Батюшка велел тебе к завтраму рубашку ему сшить.

Лягушка отвечает:

– Не тужи, Иван-царевич, ложись лучше спать, утро вечера мудренее.

Иван-царевич лёг спать, а лягушка прыгнула на крыльцо, сбросила с себя лягушачью кожу и обернулась Василисой Премудрой, такой красавицей, что и в сказке не расскажешь.

Василиса Премудрая ударила в ладоши и крикнула:

– Мамки, няньки, собирайтесь, снаряжайтесь! Сшейте мне к утру такую рубашку, какую видела я у моего родного батюшки.

Иван-царевич утром проснулся, лягушка опять по полу скачет, а рубашка уж лежит на столе, завернута в полотенце. Обрадовался Иван-царевич, взял рубашку, понёс к отцу. Царь в это время принимал дары от больших сыновей. Старший сын развернул рубашку, царь принял её и сказал:

– Эту рубашку в чёрной избе носить.

Средний сын развернул рубашку, царь сказал:

– В ней только в баню ходить.

Иван-царевич развернул рубашку изукрашенную золотом-серебром, хитрыми узорами. Царь только взглянул:

– Ну, вот это рубашка – в праздник её надевать.

Пошли братья по домам – те двое – и судят между собой.

– Нет, видно, мы напрасно смеялись над женой Ивана-царевича: она не лягушка, а какая-нибудь хитрая колдунья.

Царь опять позвал сыновей.

– Пускай ваши жёны испекут мне к завтраму хлеб. Хочу узнать, которая лучше стряпает.

Иван-царевич голову повесил, пришёл домой. Лягушка его спрашивает:

– Что закручинился?

Он отвечает:

– Надо к завтраму испечь царю хлеб.

– Не тужи, Иван-царевич, лучше ложись спать, утро вечера мудренее.

А те невестки сперва-то смеялись над лягушкой, а теперь послали одну бабушку-задворенку посмотреть, как лягушка будет печь хлеб.

А хитрая лягушка это смекнула. Замесила квашню, печь сверху разломала да прямо туда, в дыру, всю квашню и опрокинула. Бабушка-задворенка прибежала к царским невесткам, всё рассказала, и те так же стали делать.

А лягушка прыгнула на крыльцо, обернулась Василисой Премудрой, ударила в ладоши:

– Мамки, няньки, собирайтесь, снаряжайтесь! Испеките мне к утру мягкий белый хлеб, какой я у моего родного батюшки ела.

Иван-царевич утром проснулся, а уж на столе лежит хлеб, изукрашен разными хитростями: по бокам узоры печатные, сверху города с заставами.

Иван-царевич обрадовался, завернул хлеб в ширинку, понёс к отцу. А царь в то время принимал хлебы от больших сыновей. Их жёны-то попускали тесто в печь, как им бабушка-задворенка сказала, и вышла у них одна горелая грязь. Царь принял хлеб от старшего сына, посмотрел и отослал в людскую. Принял от среднего сына и туда же отослал. А как подал Иван-царевич, царь сказал:

– Вот это хлеб, только в праздник его есть.

И приказал царь трём своим сыновьям, чтобы завтра явились к нему на пир вместе с жёнами.

Опять воротился Иван-царевич домой невесел, ниже плеч голову повесил. Лягушка по полу скачет:

– Ква, ква, Иван-царевич, что закручинился? Или услышал от батюшки слово неприветливое?

– Лягушка, лягушка, как мне не горевать? Батюшка наказал, чтобы я пришёл с тобой на пир, а как я тебя людям покажу?

Лягушка отвечает:

– Не тужи, Иван-царевич, иди на пир один, а я вслед за тобой буду. Как услышишь стук да гром, не пугайся. Спросят тебя, скажи: «Это моя лягушонка в коробчонке едет».

Иван-царевич и пошёл один. Вот старшие братья приехали с жёнами, разодетыми, разубранными, нарумяненными, насурьмленными. Стоят да над Иваном-царевичем смеются:

– Что же ты без жены пришёл? Хоть бы в платочке её принёс. Где ты такую красавицу выискал? Чай, все болота исходил.

Царь с сыновьями, с невестками, с гостями сели за столы дубовые, за скатерти браные – пировать. Вдруг поднялся стук да гром, весь дворец затрясся. Гости напугались, повскакали с мест, а Иван-царевич говорит:

– Не бойтесь, честные гости: это моя лягушонка в коробчонке приехала.

Подлетела к царскому крыльцу золоченая карета о шести белых лошадях, и выходит оттуда Василиса Премудрая: на лазоревом платье – частые звезды, на голове – месяц ясный, такая красавица – ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать. Берёт она Ивана-царевича за руку и ведёт за столы дубовые, за скатерти браные.

Стали гости есть, пить, веселиться. Василиса Премудрая испила из стакана да последки себе за левый рукав вылила. Закусила лебедем да косточки за правый рукав бросила.

Жены больших-то царевичей увидали её хитрости и давай то же делать.

Попили, поели, настал черёд плясать. Василиса Премудрая подхватила Ивана-царевича и пошла. Уж она плясала, плясала, вертелась, вертелась – всем на диво. Махнула левым рукавом – вдруг сделалось озеро, махнула правым рукавом – поплыли по озеру белые лебеди. Царь и гости диву дались.

А старшие невестки пошли плясать: махнули рукавом – только гостей забрызгали; махнули другим – только кости разлетелись, одна кость царю в глаз попала. Царь рассердился и прогнал обеих невесток.

В ту пору Иван-царевич отлучился потихоньку, побежал домой, нашёл там лягушачью кожу и бросил её в печь, сжёг на огне.

Василиса Премудрая возвращается домой, хватилась – нет лягушачьей кожи. Села она на лавку, запечалилась, приуныла и говорит Ивану-царевичу:

– Ах, Иван-царевич, что же ты наделал? Если бы ты ещё только три дня подождал, я бы вечно твоей была. А теперь прощай. Ищи меня за тридевять земель, в тридесятом царстве, у Кощея Бессмертного...

Обернулась Василиса Премудрая серой кукушкой и улетела в окно. Иван-царевич поплакал, поплакал, поклонился на четыре стороны и пошёл куда глаза глядят – искать жену, Василису Премудрую. Шёл он близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли, сапоги проносил, кафтан истёр, шапчонку дождик иссёк. Попадается ему навстречу старичок.

– Здравствуй, добрый молодец! Что ищешь, куда путь держишь?

Иван-царевич рассказал ему про своё несчастье. Старичок говорит ему:

– Эх, Иван-царевич, зачем ты лягушачью кожу спалил? Не ты её надел, не тебе её было снимать. Василиса Премудрая хитрей, мудрёней своего отца уродилась. Он за то осерчал на неё и велел ей три года быть лягушкой. Ну, делать нечего, вот тебе клубок: куда он покатится, туда и ты ступай за ним смело.

Иван-царевич поблагодарил старичка и пошёл за клубочком. Клубок катится, он за ним идёт. В чистом поле попадается ему медведь. Иван-царевич нацелился, хочет убить зверя. А медведь говорит ему человеческим голосом:

– Не бей меня, Иван-царевич, когда-нибудь тебе пригожусь.

Иван-царевич пожалел медведя, не стал его стрелять, пошёл дальше. Глядь, летит над ним селезень. Он нацелился, а селезень говорит ему человеческим голосом:

– Не бей меня, Иван-царевич, я тебе пригожусь.

Он пожалел селезня и пошёл дальше. Бежит косою заяц. Иван-царевич опять спохватился, хочет в него стрелять, а заяц говорит человеческим голосом:

– Не убивай меня, Иван-царевич, я тебе пригожусь!

Пожалел он зайца, пошёл дальше. Подходит к синему морю и видит – на берегу, на песке, лежит щука, едва дышит и говорит ему:

– Ах, Иван-царевич, пожалей меня, брось в синее море!

Он бросил щуку в море, пошёл дальше берегом. Долго ли, коротко ли, прикатился клубочек к лесу. Там стоит избушка на курьих ножках, кругом себя поворачивается.

– Избушка, избушка, стань по-старому, как мать поставила: к лесу задом, ко мне передом.

Избушка повернулась к нему передом, к лесу задом. Иван-царевич вошёл в неё и видит – на печи, на девятом кирпиче, лежит баба-яга, костяная нога, зубы – на полке, а нос в потолок врос.

– Зачем, добрый молодец, ко мне пожаловал? – говорит ему баба-яга. – Дело пытаешь или от дела лытаешь?

Иван-царевич ей отвечает:

– Ах ты, старая хрычовка, ты бы меня прежде накормила, напоила, в бане выпарила, тогда бы и спрашивала.

Баба-яга в бане его выпарила, напоила, накормила, в постель уложила, и Иван-царевич рассказал ей, что ищет свою жену, Василису Премудрую.

– Знаю, знаю, – говорит ему баба-яга, – твоя жена теперь у Кощея Бессмертного. Трудно её будет достать, нелегко с Кошеем сладить: его смерть на конце иглы, та игла в яйце, яйцо в утке, утка в зайце, тот заяц сидит в каменном сундуке, а сундук стоит на высоком дубу, и тот дуб Кощей Бессмертный как свой глаз бережёт.

Иван-царевич у бабы-яги переночевал, и наутро она ему указала, где растёт высокий дуб. Долго ли, коротко ли, дошёл туда Иван-царевич, видит – стоит, шумит высокий дуб, на нем каменный сундук, а достать его трудно.

Вдруг откуда ни взялся, прибежал медведь и выворотил дуб с корнем. Сундук упал и разбился. Из сундука выскочил заяц – и наутёк во всю прыть. А за ним другой заяц гонится, нагнал и в клочки разорвал. А из зайца вылетела утка, поднялась высоко, под самое небо. Глядь, на неё селезень кинулся; как ударит её – утка яйцо выронила, упало яйцо в синее море...

Тут Иван-царевич залился горькими слезами – где же в море яйцо найти! Вдруг подплывает к берегу щука и держит яйцо в зубах. Иван-царевич разбил яйцо, достал иголку и давай у неё конец ломать. Он ломает, а Кощей Бессмертный бьётся, мечется. Сколько ни бился, ни метался Кощей, сломал Иван-царевич у иглы конец, пришлось Кощею умереть.

Иван-царевич пошёл в Кошечьи палаты белокаменные. Выбежала к нему Василиса Премудрая, поцеловала его в сахарные уста. Иван-царевич с Василисой Премудрой воротились домой и жили долго и счастливо до глубокой старости.

(Голосов: 7. Рейтинг: 4,29 из 5)

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Арысь-поле

У старика была дочь красавица, жил он с нею тихо и мирно, пока не женился на другой бабе, а та баба была злая ведьма. Не возлюбила она падчерицу, пристала к старику: «Прогони её из дому, чтоб я её и в глаза не видала». Старик взял да и выдал свою дочку замуж за хорошего человека; живёт она с мужем да радуется и родила ему мальчика. А ведьма ещё пуще злится, зависть ей покоя не даёт; улучила она время, обратила свою падчерицу зверем Арысь-поле и выгнала в дремучий лес, а в падчерицыно платье нарядила свою родную дочь и подставила её вместо настоящей жены. Так всё хитро сделала, что ни муж, ни люди – никто обмана не видит. Только старая мамка одна и смекнула, а сказать боится. С того самого дня, как только ребёнок проголодается, мамка понесёт его к лесу и запоёт:

Арысь-поле! Дитя кричит,
Дитя кричит, пить-есть хочет.

Арысь-поле прибежит, сбросит свою шкурку под колоду, возьмёт мальчика, накормит; после наденет опять шкурку и уйдёт в лес.

– Куда это мамка с ребёнком ходит? – думает отец.

Стал за нею присматривать; увидел, как Арысь-поле прибежала, сбросила с себя шкурку и стала кормить малютку. Он подкрался из-за кустов, схватил шкурку и спалил её.

– Ах, что-то дымом пахнет; никак моя шкурка горит! – говорит Арысь-поле.

– Нет, – отвечает мамка, – это, верно, дровосеки лес подожгли.

Шкурка сгорела, Арысь-поле приняла прежний вид и рассказала всё своему мужу. Тотчас собрались люди, схватили ведьму и сожгли её вместе с её дочерью.

(Голосов: 7. Рейтинг: 4,29 из 5)

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Белая уточка

Один князь женился на прекрасной княжне и не успел ещё на неё

наглядеться, не успел с нею наговориться, не успел её послушаться, а уж надо было им расставаться, надо было ему ехать в дальний путь, покидать жену на чужих руках. Что делать! Говорят, век обнявшись не просидеть. Много плакала княгиня, много князь её уговаривал, заповедовал не покидать висока терема, не ходить на беседу, с дурными людьми не ватажиться^[1], худых речей не слушаться. Княгиня обещала всё исполнить. Князь уехал; она заперлась в своём покое и не выходит.

□ Долго ли, коротко ли, пришла к ней женщина, казалось – такая простая, сердечная!

– Что, – говорит, – ты скучаешь? Хоть бы на божий свет поглядела, хоть бы по саду прошлась, тоску размыкала, голову простудила^[2].

Долго княгиня отговаривалась, не хотела, наконец подумала: по саду походить не беда, и пошла. В саду разливалась ключевая хрустальная вода.

– Что, – говорит женщина, – день такой жаркий, солнце палит, а водица студёная – так и плещет, не искупаться ли нам здесь?

– Нет, нет, не хочу! – а там подумала: ведь искупаться не беда!

Скинула сарафанчик и прыгнула в воду. Только окунулась, женщина ударила её по спине:

– Плыви ты, – говорит, – белою уточкой!

И поплыла княгиня белою уточкой. Ведьма тотчас нарядилась в её платье, убралась, намалевалась и села ожидать князя. Только щенок вякнул, колокольчик звякнул, она уж бежит навстречу, бросилась к князю, целует, милует. Он обрадовался, сам руки протянул и не распознал её.

□ А белая уточка нанесла яичек, вывела деточек, двух хороших, а

третьего заморышка, и деточки её вышли – ребяточки; она их вырастила, стали они по реченьке ходить, злату рыбку ловить, лоскутики собирать, кафтаники сшивать, да выскакивать на бережок, да поглядывать на лужок.

– Ох, не ходите туда, дети! – говорила мать.

Дети не слушали; нынче поиграют на травке, завтра побегают по муравке, дальше, дальше, и забрались на княжий двор. Ведьма чутьём их узнала, зубами заскрипела; вот она позвала деточек, накормила-напоила и спать уложила, а там велела разложить огня, навесить котлы, наточить ножи. Легли два братца и заснули, – а заморышка чтоб не застудить, приказала (им) мать в пазушке носить – заморышек-то и не спит, всё слышит, всё видит. Ночью пришла ведьма под дверь и спрашивает:

– Спите вы, детки, иль нет?

Заморышек отвечает:

– Мы спим – не спим, думу думаем, что хотят нас всех порезати; огни кладут калиновые, котлы высят кипучие, ножи точат булатные!

– Не спят!

□Ведьма ушла, походила-походила, опять под дверь:

– Спите, детки, или нет?

Заморышек опять говорит то же:

– Мы спим – не спим, думу думаем, что хотят нас всех порезати; огни кладут калиновые, котлы высят кипучие, ножи точат булатные!

– Что же это всё один голос? – подумала ведьма, отворила потихоньку дверь, видит: оба брата спят крепким сном, тотчас обвела их мёртвой рукою^[3] – и они померли.

□Поутру белая уточка зовёт деток; детки нейдут. Зачуяло её сердце, встрепенулась она и полетела на княжий двор. На княжем дворе, белы как платочки, холодны как пласточки, лежали братцы рядышком. Кинулась она к ним, бросилась, крылышки распустила, деточек обхватила и материнским голосом завопила:

Кря, кря, мои деточки!
Кря, кря, голубяточки!
Я нуждой вас выхаживала,
Я слезой вас выпаивала,
Тёмну ночь не досыпала,
Сладок кус не доедала!

– Жена, слышишь небывалое? Утка приговаривает.

– Это тебе чудится! Велите утку со двора прогнать!

Её прогонят, она облетит да опять к деткам:

Кря, кря, мои деточки!
Кря, кря, голубяточки!
Погубила вас ведьма старая,
Ведьма старая, змея лютая,
Змея лютая, подколодная;
Отняла у вас отца родного,
Отца родного – моего мужа,
Потопила нас в быстрой реченьке,
Обратила нас в белых уточек,
А сама живёт – величается!

«Эге!» – подумал князь и закричал:

– Поймите мне белую уточку!

Бросились все, а белая уточка летает и никому не даётся; выбежал князь сам, она к нему на руки пала. Взял он её за крылышко и говорит:

– Стань белая берёза у меня позади, а красная девица впереди!

Белая берёза вытянулась у него позади, а красная девица стала впереди, и в красной девице князь узнал свою молодую княгиню. Тотчас поймали сороку, подвязали ей два пузырька, велели в один набрать воды живящей, в другой говорящей. Сорока слетала, принесла воды. Сбрызнули деток живящею водою – они встрепенулись, сбрызнули говорящею – они заговорили. И стала у князя целая семья, и стали все жить-поживать, добро наживать, худо забывать. А ведьму привязали к лошадиному хвосту, размыкали по полю: где оторвалась нога – там стала кочерга, где рука – там грабли, где голова – там куст да колода; налетели птицы – мясо поклевали, поднялись ветры – кости разметали, и не осталось от ней ни следа, ни памяти!

---

[1] – Ватажиться – знаться, сближаться, связываться, водиться (Ред.).

[2] – Освежила чистым воздухом.

[3] – Есть поверье, что воры запасаются рукою мертвеца и, приходя на промысел, обводят ею спящих хозяев, чтобы навести на них непробудный сон.

(Голосов: 7. Рейтинг: 4,29 из 5)

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Царевна – серая утица

Жил царь с царицею, у них были дети: сын да дочь; сына звали Дмитрий-царевич, а дочь – Марья-царевна. Были приставлены к царевне и няньки и мамки, и ни одна не могла её укачать-убаюкать. Только брат и умел это сделать: бывало, придет к её кроватке и начнет припевать:

– Баю-баюшки, сестрица! Баю-баюшки, родная! Вырастешь большая, отдам тебя замуж за Ивана-царевича.

Она закроет глазки и заснёт. Прошло несколько лет, собрался Дмитрий-царевич и поехал в гости к Ивану-царевичу; прогостил там три месяца – много играли, много гуляли; стал уезжать и зовёт к себе Ивана-царевича.

– Хорошо, – говорит, – приеду!

Воротился домой, взял портрет своей сестры и повесил над своею постелью, и так хороша была царевна, что всё бы смотрел на её портрет: глаз оторвать невозможно!

□ Нежданно-негаданно приезжает Иван-царевич к Дмитрию-царевичу, входит в его комнату, а он спит себе крепким сном. Увидел Иван-царевич портрет Марьи-царевны – и в ту ж минуту влюбился в неё, выхватил свой меч и занёс на её брата. Бог не попустил греха, словно что толкнуло Дмитрия-царевича – вмиг проснулся и спрашивает:

– Что ты делать хочешь?

– Хочу тебя убить!

– За что, Иван-царевич?

– Ведь это портрет твоей невесты?

– Нет, моей сестры Марьи-царевны.

– Ах, что же ты мне никогда об ней не сказывал! Я теперь жить без неё не могу.

– Ну что ж! Женись на сестре, будем братьями.

Иван-царевич бросился обнимать Дмитрия-царевича. Тут они и поладили, по рукам ударили.

□Иван-царевич домой уехал – к свадьбе готовиться, а Дмитрий-царевич стал собираться с своею сестрицею в путь-дорогу, к жениху в гости. Снарядили два корабля: в одном брат плывёт, в другом сестра плывёт, а при ней нянька с дочкою. Вот как выехали корабли посеред моря синего, нянька и говорит Марье-царевне:

– Скинь с себя драгоценное платье да ложись на перину – тебе спокойней будет!

Царевна скинула платье, и только легла на перину – нянька ударила её слегка по белому телу, и сделалась Марья-царевна серой утицею, взвилась-полетела с корабля на сине море. А нянька нарядила свою дочь в царевнино платье, сидят обе да величаются. Приехали в землю Ивана-царевича; он тотчас выбежал навстречу и портрет Марьи-царевны с собой захватил; смотрит, а невеста далеко на тот портрет не похожа! Разгневался на Дмитрия-царевича, велел посадить его в темницу, в день давать ему по куску чёрствого хлеба да по стакану воды; кругом были часовые приставлены, и наказано им настрого никого не пускать к заключённику.

□Приходит время к полуночи, стала сера утица с моря подыматься, полетела к родимому братцу – всё царство собой осияла: крыльями машет, а с них словно жар сыпется! Подлетела к темнице да прямо в окошечко, крылышки на гвоздик повесила, а сама к брату пошла:

– Родимый мой братец, Дмитрий-царевич! Тебе тошно в темнице сидеть, по стакану воды пить, по куску хлеба есть; а мне, братец, тошнее того по синю морю плавать! Сгубила нас злая нянюшка, скинула с меня драгоценное платье – нарядила в него свою дочку.

Братец с сестрицею поплакали, погоревали вместе; ранним утром улетела сера утица на сине море. Докладывают Ивану-царевичу:

– Так и так, прилетала к заключённику сера утица – всё царство собой осияла!

Приказал он, чтоб сейчас дали ему знать, как скоро та утица опять прилетит.

□Вот подходит время к полуночи; вдруг море заколыхалось, поднялась с него сера утица, полетела – всё царство собой осветила, крылышками машет, а с них словно жар сыпется. Прилетела к темнице, крылышки свои на окне оставила, а сама к брату пошла. Тотчас же разбудили Ивана-царевича; он побежал к темнице, смотрит: на окне лежат крылышки, взял и велел их на огне спалить, а сам приложил ухо да слушает – про что говорят братец с сестрицею.

– Родимый мой братец! – говорит Марья-царевна. – Тебе тошно в темнице сидеть, по стакану воды пить, по куску хлеба есть; а мне тошнее того по синю морю плавать! Сгубила нас злая нянюшка, скинула с меня драгоценное платье – нарядила в него свою дочку... Ах, братец, что-то гарью пахнет!

– Нет, сестрица! Я ничего не слышу.

□Иван-царевич отворил темницу, входит туда – Марья-царевна в

ту ж минуту бросилась к окошечку, видит: крылышки её до половины обожжены; тут ухватил её Иван-царевич за белые руки, а она стала оборачиваться разными гадами. Иван-царевич не пугается, из рук её не пускает... Вот, наконец, она веретеном обратилась; царевич переломил веретено надвое, один конец бросил вперёд, а другой назад и говорит:

– Стань передо мной красна девица, а за мной белая берёза!

Стала позади его белая берёза, а перед ним явилась Марья-царевна во всей своей красоте. Иван-царевич выпросил себе прощение у Дмитрия-царевича, и все трое во дворец пошли; а на другой день была свадьба: Иван-царевич женился на Марье-царевне; гости долго пировали, веселились, прохлаждались. А няньку с дочкою отослали в такое место, чтоб об них ни слуху ни духу не было!

(Голосов: 7. Рейтинг: 4,29 из 5)

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Сестрица Алёнушка, братец Иванушка

Жили сестрица и братец, и пошли они в лес по ягоды. Шли-шли; вот на дороге лежит лошадино копытце с водицей; вот братец и говорит:

– Сестрица, я пить хочу; я в этом копытце напьюсь.

– Нет, не пей, братец, коняшка будешь.

Ещё шли-шли, коровье копытце стоит.

– Сестрица, сестрица, я пить хочу!

– Нет, не пей, бычок будешь.

Шли-шли; стоит овечье копытце.

– Сестрица, сестрица! Я напьюсь.

– Нет, не пей, баранчик будешь.

Шли, шли; стоит козино копытце.

– Сестрица, сестрица, я напьюсь!

– Нет, не пей, а то козельчик будешь.

Пошли дальше; он не утерпел, отвернулся и напился, и обратился козельчиком, бежит и блеет.

– Я говорила тебе: не пей!

Идут; барин едет и говорит:

– Продай, девушка, козельчика.

– Нет, он у меня не продажный; это мой братец, а не козельчик!

Барин взял обоих их, увёз и на девушке женился и козельчика ласкал.

□ Вот барин уехал, а эту жену его, Алёнушку, дворовые ненавидели, взяли привязали ей на шею камень большущий и бросили в реку, а вместо её другая убралась в её платье. Барин приехал и не узнал. Эта другая жена хотела извести и козельчика и велела барину зарезать его.

– Я. – говорит, – хочу козлиного мяса.

Барин велел слугам зарезать козельчика. Козельчик почуял, приходит к барину и говорит:

– Барин, барин! Пусти меня на речку водицы испить, кишочки промыть, твоей барыне лучше будет кушать!

– Ступай, да не уходишь^[1].

Он пошёл, на бережку сел и стал кричать:

– Алёнушка, сестричушка, тебе тошно, а мне тошней твоего; меня, козла, хотят резать, ножи точат булатные, котлы кипят немецкие, огни горят всё жаркие!

А она ему говорит, выныривая из реки:

– Иванушка, родимый мой, тебе тошно, а мне тошней твоего; тяжёл камень ко дну тянет, бела-рыба глаза выела, люта змея сердце высосала, шёлкова трава ноги спутала!

Козельчик пошёл домой, полежал и опять у барина просится на реку; барин пустил и послал следом слугу посмотреть, зачем он часто ходит туда. Козельчик сел на бережку и опять закричал:

– Алёнушка, сестричушка, тебе тошно, а мне тошней твоего; меня, козла, хотят резать, ножи точат булатные, котлы кипят

немецкие, огни горят всё жаркие!

Она ему говорит:

– Иванушка, родимый мой, тебе тошно, а мне тошней твоего; тяжёл камень ко дну тянет, бела-рыба глаза выела, люта змея сердце высосала, шёлкова трава ноги спутала!

Пришли домой, слуга ничего не сказал барину; а козельчик немножко повернулся и опять просится у барина на речку водицы испить, кишочки промыть. Барин отпустил и сам пошёл следом. Козельчик сел на бережку и стал опять кричать:

– Алёнушка, сестричушка, меня, козла, хотят резать, ножи точат булатные, котлы кипят немецкие, огни горят всё жаркие!

И она выныривает из реки и говорить стала:

– Иванушка, родимый мой!..

Как барин то угадал, да вдруг кинется и вытащил её; узнал обо всём, всех пересёк, а которая на место её сделалась (ту) прогнал; а с этой начал жить-поживать по-прежнему, и козельчику стало хорошо.

---

[1] – Уходитья – пропасть, погибнуть (Ред.).

(Голосов: 7. Рейтинг: 4,29 из 5)

Загрузка...

Русские народные сказки. А.

Н. Афанасьев. Скорый гонец

В некотором царстве, в некотором государстве были болота непроходимые, кругом их шла дорога окольная: скоро ехать тою дорогою – три года понадобится, а тихо ехать – и пяти мало! Возле самой дороги жил убогий старик; у него было три сына: первого звали Иван, второго – Василий, а третьего – Семён малый юныш. Вздумал убогий расчистить эти болота, проложить тут дорогу прямохожую-прямоезжую и наместить мосты калиновые, чтобы пешему можно было пройти в три недели, а конному в трое суток проехать. Принялся за работу вместе с своими детьми, и не по малом времени всё было исправлено: намощены мосты калиновые и расчищена дорога прямохожая-прямоезжая.

□Воротился убогий в свою избушку и говорит старшему сыну Ивану:

– Поди-ка ты, мой любезный сын, сядь под мостом и послушай, что про нас будут добрые люди говорить – добро или худо?

По родительскому приказанию пошёл Иван и сел в скрытном месте под мостом.

□Идут по тому мосту калиновому два старца и говорят промеж себя: «Кто этот мост мостил да дорогу расчищал – чего бы он у

господа ни попросил, то бы ему господь и даровал!» Иван, как скоро услышал эти слова, тотчас вышел из-под моста калинового.

– Этот мост, – говорит, – мостил я с отцом да с братьями.

– Чего ж ты просишь у господя? – спрашивают старцы.

– Вот кабы господь дал мне денег на век!

– Хорошо, ступай в чистое поле: в чистом поле есть сырой дуб, под тем дубом глубокий погреб, в том погребе множество и злата, и сѣребра, и каменя драгоценного. Возьми лопату и рой – даст тебе господь денег на целый век!

Иван пошёл в чистое поле, вырыл под дубом много и злата, и сѣребра, и каменя драгоценного и понёс домой.

– Ну, сынок, – спрашивает убогий, – видел ли кого, что бы шёл али ехал по мосту, и что про нас люди говорят?

Иван рассказал отцу, что видел двух старцев и чѣм они его наградили на целый век.

□На другой день посылает убогий среднего сына Василия. Пошёл Василий, сел под мостом калиновым и слушает. Идут по мосту два старца, поравнялись супротив того места, где он спрятался, и говорят: «Кто этот мост мостил – чего бы у господя ни попросил, то бы ему господь и дал!» Как скоро услышал Василий эти слова, вышел к старцам и сказал:

– Этот мост мостил я с батюшкой и с братьями.

– Чего же ты у бога просишь?

– Вот кабы господь дал мне хлеба на век!

– Хорошо, поди домой, выруби новину^[1] и посеи: даст тебе господь хлеба на целый век!

Василий пришёл домой, рассказал про всё отцу, вырубил новину и засеял хлебом.

□На третий день посылает убогий меньшего сына. Семён малый юныш сел под мостом и слушает. Идут по мосту два старца; только поравнялись с ним и говорят: «Кто этот мост мостил – чего бы у господина ни попросил, то бы ему господь и дал!» Семён малый юныш услышал эти слова, выступил к старцам и сказал:

– Этот мост мостил я с батюшкой и с братьями.

– Чего же ты у бога просишь?

– А прошу у бога милости: послужить великому государю в солдатах.

– Проси другого! Солдатская служба тяжёлая; пойдёшь в солдаты, к морскому царю в полон попадёшь, и много будет твоих слёз пролито!

– Эх, люди вы старые, сами вы ведаете: кто на сём свете не плачет, тот будет плакать в будущем веке.

– Ну, коли уж ты похотел идти в царскую службу – мы тебя благословляем! – сказали старцы Семёну, наложили на него свои руки и обратили в оленя быстрого.

□Побежал олень к своему дому; усмотрели его из окошечка отец и братья, выскочили из избушки и хотели поймать. Олень повернул – и назад; прибежал к двум старцам, старцы обратили его в зайца. Заяц пустился к своему дому; усмотрели его отец и братья, выскочили из избушки и хотели было изловить, да он назад повернул. Прибежал заяц к двум старцам, старцы обратили его в маленькую птичку золотая головка. Птичка прилетела к своему дому, села у открытого окошечка; усмотрели её отец и братья, бросились ловить – птичка вспорхнула, и назад. Прилетела к двум старцам, старцы сделали её по-прежнему человеком и говорят:

– Теперь, Семён малый юныш, иди на царскую службу. Если тебе понадобится сбегать куда наскоро, можешь ты обращаться оленем, зайцем и птичкой золотая головка: мы тебя научили.

□ Семён малый юныш пришёл домой и стал у отца проситься на царскую службу.

– Куда тебе идти, – отвечал убогий, – ты ещё мал и глуп!

– Нет, батюшка, отпусти; на то божья воля есть.

Убогий отпустил, Семён малый юныш срядился, с отцом, с братьями простился и пошёл в дорогу.

□ Долго ли, коротко ли – пришёл он на царский двор, прямо к царю, и сказал:

– Ваше царское величество! Не велите казнить, велите слово вымолвить.

– Говори, Семён малый юныш!

– Ваше величество! Возьмите меня в военную службу.

– Что ты! Ведь ты мал и глуп; куда тебе идти в службу?

– Хоть я мал и глуп, а служить буду не хуже других; в том уповаю на бога.

Царь согласился, взял его в солдаты и велел быть при своём лице. Прошло несколько времени, вдруг объявил царю некоторый король жестокою войну. Царь начал в поход срядаться; в урочное время собралось всё войско в готовности. Семён малый юныш стал на войну проситься; царь не мог ему отказать, взял его с собою и выступил в поход.

□ Долго-долго шёл царь с воинством, много-много земель за собой оставил, вот уж и неприятель близко – дня через три надо и бой начинать. В те поры хватился царь своей боевой палицы и своего меча острого – нет ни той, ни другого, во дворце позабыл; нечем ему себе оборону дать, неприятельские силы побивать. Сделал он клич по всему войску: не возьмётся ли кто сходить во дворец наскоро да принести ему боевую палицу и острый меч; кто сослужит эту службу, за того обещал отдать в супружество дочь

свою Марью-царевну, в приданое пожаловать половину царства, а по смерти своей оставить тому и всё царство. Начали выискиваться охотники; кто говорит: я могу в три года сходить; кто говорит: в два года, а кто – в один год; а Семён малый юныш доложил государю:

– Я, ваше величество, могу сходить во дворец и принести боевую палицу и острый меч в три дня.

Царь обрадовался, взял его за руку, поцеловал в уста и тотчас же написал к Марье-царевне грамотку, чтоб она гонцу тому поверила и выдала ему меч и палицу. Семён малый юныш принял от царя грамотку и пошёл в путь-дорогу.

□ Отойдя с версту, обернулся он в оленя быстроногого и пустился словно стрела, из лука пущенная; бежал, бежал, устал и обернулся из оленя в зайца; припустил во всю заячью прыть. Бежал-бежал, все ноги прибил и обратился из зайца в маленькую птичку золотая головка; ещё быстрее полетел, летел-летел и в полтора дня поспел в то царство, где Марья-царевна находилась. Обернулся человеком, вошёл во дворец и подал царевне грамотку. Марья-царевна приняла её, распечатала, прочитала и говорит:

– Как же это сумел ты столько земель и так скоро пробежать?

– А вот как, – отвечал гонец – обратился в оленя быстроногого, пробежал раз-другой по царевниной палате, подошёл к Марье-царевне и положил к ней на колени свою голову; она взяла ножницы и вырезала у оленя с головы клочок шерсти. Олень обратился в зайца, заяц попрыгал немного по комнате и вскочил к царевне на колени; она вырезала у него клочок шерсти. Заяц обратился в маленькую птичку с золотой головкой, птичка полетала немного по комнате и села к царевне на руку; Марья-царевна срезала у неё с головы золотых пёрышков, и всё это – и оленью шерсть, и заячью шерсть, и золотые пёрышки завязала в платок и спрятала к себе. Птичка золотая головка обратилась в гонца.

□ Царевна накормила его, напоила, в путь снарядила, отдала ему

боевую палицу и острый меч; после они простились, на прощанье крепко поцеловались, и пошёл Семен малый юныш обратно к царю. Опять побежал он оленем быстроногим, поскакал косым зайцем, полетел маленькой птичкой и к концу третьего дня усмотрел царский лагерь вблизи. Не доходя до войска шагов с триста, лёг он на морском берегу, подле ракитова куста, отдохнуть с дороги; палицу боевую и острый меч около себя положил. От великой усталости он скоро и крепко уснул; в это время случилось одному генералу проходить мимо ракитова куста, увидел он гонца, тотчас столкнул его в море, взял боевую палицу и острый меч, принёс к государю и сказал:

– Ваше величество! Вот вам боевая палица и острый меч, я сам за ними ходил; а тот пустохвал, Семён малый юныш, верно года три проходит!

Царь поблагодарил генерала, начал воевать с неприятелем и в короткое время одержал над ним славную победу.

□А Семён малый юныш, как сказано, упал в море. В ту ж минуту подхватил его морской царь и унёс в самую глубину. Жил он у того царя целый год, стало ему скучно, запечалился он и горько заплакал. Пришёл к нему морской царь:

– Что, Семён малый юныш, скучно тебе здесь?

– Скучно, ваше величество!

– Хошь на русский свет?

– Хочу, если ваша царская милость будет.

Морской царь вынес его в самую полночь, оставил на берегу, а сам ушёл в море. Семён малый юныш начал богу молиться: «Дай, господи, солнышка!» Перед самым восходом красного солнца явился морской царь, ухватил его опять и унёс в морскую глубину.

□Прожил там Семён малый юныш ещё целый год; сделалось ему скучно, и он горько-горько заплакал. Спрашивает морской царь:

– Что, али тебе скучно?

– Скучно! – молвил Семён малый юныш.

– Хошь на русский свет?

– Хочу, ваше величество!

Морской царь вынес его в полночь на́ берег, сам ушёл в море. Начал Семён малый юныш со слезами богу молиться:

– Дай, господи, солнышка!

Только чуть-чуть рассветать стало, пришёл морской царь, ухватил его и унёс в морскую глубину. Прожил Семён малый юныш третий год в море, стало ему скучно, и он горько, неутешно заплакал.

– Что, Семён, скучно тебе?.. – спрашивает морской царь. – Хошь на русский свет?

– Хочу, ваше величество!

Морской царь вынес его на́ берег, сам ушёл в море. Семён малый юныш начал со слезами богу молиться: «Дай, господи, солнышка!» Вдруг солнце осияло своими лучами, и уж морской царь не смог больше взять его в полон.

□ Семён малый юныш отправился в своё государство; оборотился сперва оленем, потом зайцем, а потом маленькой птичкой золотая головка; в короткое время очутился у царского дворца. А покуда всё это сделалось, царь успел с войны воротиться и засватал свою дочь Марью-царевну за генерала-обманщика. Семён малый юныш входит в ту самую палату, где за столом сидели жених да невеста. Увидала его Марья-царевна и говорит царю:

– Государь-батюшка! Не вели казнить, позволь речь говорить.

– Говори, дочь моя милая! Что тебе надобно?

– Государь-батюшка! Не тот мой жених, что за столом сидит, а

вот он – сейчас пришёл! Покажи-ка, Семён малый юныш, как в те поры ты наскоро сбегал за боевой палицей, за острым мечом.

Семён малый юныш оборотился в оленя быстроногого, пробежал раз-другой по комнате и остановился возле царевны. Марья-царевна вынула из платочка срезанную оленью шерсть, показывает царю, в каком месте она её срезала, и говорит:

– Посмотри, батюшка! Вот мои приметочки.

Олень оборотился в зайца; зайчик попрыгал-попрыгал по комнате и прискочил к царевне; Марья-царевна вынула из платочка заячью шерсть. Зайчик оборотился в маленькую птичку с золотой головкой; птичка полетала-полетала по комнате и села к царевне на колени; Марья-царевна развязала третий узелок в платке и показала золотые пёрышки. Тут царь узнал всю правду истинную, приказал генерала казнить, Марью-царевну выдал за Семёна малого юнышу и сделал его своим наследником.

---

[1] – Новина – новое расчищенное место для посева.

(Голосов: 7. Рейтинг: 4,29 из 5)

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Клад

В некоем царстве жил-был старик со старухой в великой бедности. Ни много, ни мало прошло времени – померла старуха. На дворе зима стояла лютая, морозная. Пошёл старик по суседям да по знакомым, просит, чтоб пособили ему вырыть для старухи могилу; только и суседи и знакомые, знаючи его великую бедность, все начисто отказали. Пошёл старик к попу, а у них на селе был поп куды жадный, несовестливый.

– Потрудись, – говорит, – батюшка, старуху похоронить.

– А есть ли у тебя деньги, чем за похороны заплатить? Давай, свет, вперёд!

– Перед тобой нечего греха таить: нет у меня в доме ни единой копейки! Обожди маленько, заработаю – с лихвой заплачу, право слово – заплачу!

□ Поп не захотел и речей стариковых слушать:

– Коли нет денег, не смей и ходить сюда!

– Что делать, – думает старик, – пойду на кладбище, вырою кое-как могилу и похороню сам старуху.

Вот он захватил топор да лопату и пошёл на кладбище; пришёл и зачал могилу готовить: срубил сверху мёрзлую землю топором, а там и за лопату взялся, копал-копал и выкопал котелок, глянул – а он полнёхонько червонцами насыпан, как жар блестят! Крепко старик возрадовался: «Слава тебе господи! Будет на что и похоронить и помянуть старуху». Не стал больше могилу рыть, взял котелок с золотом и понёс домой.

□Ну, с деньгами знамое дело – всё пошло как по маслу! Тотчас нашлись добрые люди: и могилу вырыли и гроб смастерили; старик послал невестку купить вина и кушаньев и закусок разных – всего, как должно быть на поминках, а сам взял червонец в руку и потащился опять к попу. Только в двери, а поп на него:

– Сказано тебе толком, старый хрен, чтоб без денег не приходил, а ты опять лезешь!

– Не серчай, батюшка! – просит его старик. – Вот тебе золотой – похорони мою старуху, век не забуду твоей милости!

Поп взял деньги и не знает, как старика принять-то, где посадить, какими речами умилишь:

– Ну, старичок, будь в надежде, всё будет сделано.

Старик поклонился и пошёл домой, а поп с попадьёю стал про него разговаривать:

– Вишь, старый чёрт! Говорят: беден, беден! А он золотой отвалил. Много на своём веку схоронил я именитых покойников, а столько ни от кого не получал...

□Собрался поп со всем причетом и похоронил старуху как следует. После похорон просит его старик к себе помянуть покойницу. Вот пришли в избу, сели за стол, и откуда что явилось – и вино-то, и кушанья, и закуски разные, всего вдоволь! Гость сидит, за троих обжирается, на чужое добро зазирается. Отобедали гости и стали по своим домам расходиться, вот и поп поднялся. Пошёл старик его провожать, и только вышли на двор – поп видит, что со стороны никого больше нету, и начал старика допрашивать:

– Послушай, свет! Покайся мне, не оставляй на душе ни единого греха – всё равно как перед богом, так и передо мною: отчего так скоро сумел ты поправиться? Был ты мужик скудный, а теперь на'поди, откуда что взялось! Покайся-ка, свет! Чью загубил ты душу, кого обобрал?

– Что ты, батюшка! Истинною правдою признаёшься тебе: я не крал, не грабил, не убивал никого; клад сам в руки дался!

И рассказал, как всё дело было.

□Как услышал эти речи поп, ажно затрясся от жадности; воротился домой, ничего не делает – и день и ночь думает: «Такой ледащий мужичишка, и получил этакую силу денег. Как бы теперь ухитриться да отжилить у него котелок с золотом?» Сказал про то попадьё; стали вдвоём совет держать и присоветали.

– Слушай, матка! Ведь у нас козёл есть?

– Есть.

– Ну, ладно! Дождёмся ночи и обработаем дело, как надо.

Вечером поздно притащил поп в избу козла, зарезал и содрал с него шкуру – со всем, и с рогами и с бородой; тотчас натянул козлиную шкуру на себя и говорит попадьё:

– Бери, матка, иглу с ниткою; закрепи кругом шкуру, чтоб не свалилась.

Попадья взяла толстую иглу да суровую нитку и обшила его козлиною шкурою.

□Вот в самую глухую полночь пошёл поп прямо к стариковой избе, подошёл под окно и ну стучать да царапаться. Старик услышал шум, вскочил и спрашивает:

– Кто там?

– Чёрт!..

– Наше место свято! – завопил мужик и начал крест творить да молитвы читать.

– Слушай, старик! – говорит поп. – От меня хоть молись, хоть крестись, не избавишься; отдай-ка лучше мой котелок с

деньгами; не то я с тобой разделаюсь! Ишь, я над твоим горем сжалился, клад тебе показал – думал: немного возьмёшь на похороны, а ты всё целиком и заграбил!

Глянул старик в окно – торчат козлиные рога с бородою: как есть нечистый! «Ну его совсем и с деньгами-то! – думает старик. – Наперёд того без денег жил, и опосля без них проживу!» Достал котелок с золотом, вынес на улицу, бросил наземь, а сам в избу поскорее. Поп подхватил котёл с деньгами и припустил домой. Воротился.

– Ну, – говорит, – деньги в наших руках! На, матка, спрячь подальше да бери острый нож, режь нитки да снимай с меня козлиную шкуру, пока никто не видал.

□ Попадья взяла нож, стала было по шву нитки резать – как польётся кровь, как заорёт он:

– Матка! Больно, не режь! Матка! Больно, не режь!

Начнёт она пороть в ином месте – то же самое! Кругом к телу приросла козлиная шкура. Уж чего они ни делали, чего ни пробовали, и деньги старику назад отнесли – нет, ничего не помогло; так и осталась на попе козлиная шкура. Знамо, господь покарал за великую жадность!

(Голосов: 7. Рейтинг: 4,29 из 5)

Загрузка...

Русские народные сказки. А.

Н. Афанасьев. Счастливое дитя

Жил-был именитый купец с купчихою – всякого добра много, а детей нету. Стали они богу молиться, чтобы дал им детище – в молодых летах на утеху, в старости на подмогу, а по смерти на помин души; стали они нищую братию кормить, милостыней оделять; а сверх того надумались на пользу всего люда православного построить длинный мост через топи-болота непроходимые. Много купец казны издержал, а мост построил, и как работы окончились, посылает он своего приказчика Фёдора:

– Поди-ка, сядь под мост да послушай, что будут люди про меня сказывать: будут ли благословлять или корить станут.

Фёдор пошёл, сел под мост и слушает. Идут по мосту три святых старца и говорят промеж себя: «Чем наградить того, кто этот мост построил? Пусть у него народится счастливый сын: что ни скажет – то и сбудется, чего ни пожелает – то и даст господь!» Выслушал приказчик и вернулся домой.

– Ну что, Фёдор, не слышал ли чего? – спрашивает купец.

– Нет, ничего не слышал.

□ В скором времени отяжелела купчиха и родила мальчика;

окрестили его и положили в люльку. Приказчик позавидовал чужому счастью: в глухую полночь, как все в доме крепко заснули, поймал голубя, зарезал его и замарал кровью постель, руки и уста родильницы; а ребёнка украл и отдал на сторону выкормить.

□Наутро хватились отец с матерью, где их ребёнок? Нет нигде, а приказчик начал доказывать: «Мать-де сама его съела: вишь, и руки и уста в крови!» Купец взял свою жену и посадил в темницу. Прошло несколько лет, сынок их подрос, стал бегать и говорить. Фёдор бросил купца, поселился на взморье и мальчика с собой взял; что только ему на ум взбредёт, он приказывает этому мальчику: «Пожелай-де то-то и то-то», – и тотчас всё готово. Говорит он однажды:

– А ну, малый, проси у бога, чтоб здесь новое царство стало, чтоб от самого этого места до дворца государева хрустальный мост повис через море и чтоб царевна за меня замуж вышла.

Мальчик попросил у бога – и тотчас повис через всё море хрустальный мост и явился богатый, знатный город с белокаменными палатами, церквами и царскими теремами.

□На другой день, проснувшись, смотрит царь из окошечка, увидал хрустальный мост и спрашивает:

– Кто это такое чудо построил?

Докладывают ему, что Фёдор.

– Коли он так хитёр, – сказал царь, – то отдам за него свою царевну замуж!

Скоро дело сладилось, обвенчали Фёдора с царевною, и стал он в новом городе царствовать да мальчиком помыкать: держит его у себя за работника, бьёт и ругается всячески, иной раз и куска хлеба пожалеет дать.

□Вот как-то лежит Фёдор с женой на постели да промеж себя разговаривают; а мальчик в тёмный угол забился и горько-горько

плачет. Спрашивает царевна своего мужа:

– Скажи, пожалуйста, откуда у тебя это богатство взялось? Ведь прежде ты был простым приказчиком.

– И богатство моё и сила – всё от этого мальчика, что я у купца унёс.

– Как так?

– Жил я у такого-то купца в приказчиках, и было ему обещано, что народится у него сын, да не простой, а такой счастливый – что ни скажет, то и сбудется, чего ни пожелает, то и даст господь. Вот как ребёнок родился, я его и скрал, а чтоб про то не проведали, наговорил на купчиху, будто сама своё детище съела.

□Мальчик подслушал эти речи, вышел из угла и сказал:

– По моему прошенью, по божьему изволенью будь ты, негодяй, собакою!

В ту ж минуту Фёдор обернулся собакою; мальчик надел ему на шею железную цепь и повёл к своему отцу. Приходит и говорит ему:

– Добрый человек! Дай мне горячих угольёв.

– На что тебе?

– Да вот надо пса покормить.

– Что ты? Бог с тобой! – отвечает купец. – Где это видано, чтоб собаки горячим угольём питались?

– А где видано, чтоб мать могла съесть своё родное детище? Узнавай, батюшка, я твой сын, а вот этот пес – твой старый приказчик Фёдор, что меня унёс да на мать наклепал.

Купец расспросил про всё подробно, освободил жену из темницы, и потом все они вместе переехали жить в новое царство, которое

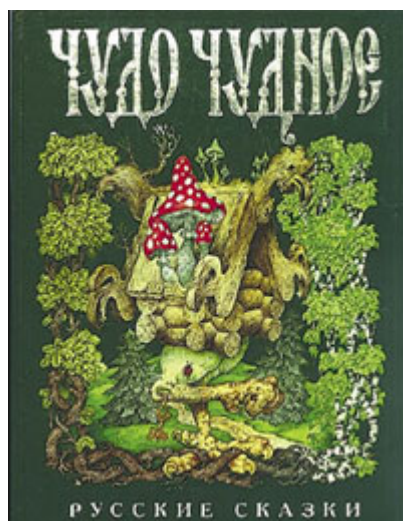
ещё прежде по желанию купеческого сына явилось на взморье; царевна к своему отцу уехала, а Фёдор до самой смерти так и остался поганым псом.

(Голосов: 7. Рейтинг: 4,29 из 5)

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Диво дивное, чудо чудное

Жил-был богатый купец с купчихою; торговал дорогими и знатными товарами и каждый год ездил с ними по чужим государствам. В некое время снарядил он корабль; стал собираться в дорогу и спрашивает жену:

– Скажи, радость моя, что тебе из иных земель в гостинец привезти?

Отвечает купчиха:

– Я у тебя всем довольна; всего у меня много! А коли угодить да потешить хочешь, купи мне диво дивное, чудо чудное.

– Хорошо; коли найду – куплю.

□ Поплыл купец за тридевять земель в тридесятое царство, пристал к великому, богатому городу, распродал все свои товары, а новые закупил, корабль нагрузил; идёт по городу и думает: «Где бы найти диво дивное, чудо чудное?» Попался ему навстречу незнакомый старичок, спрашивает его:

– Что так призадумался-раскручинился, добрый молодец?

– Как мне не кручиниться! – отвечает купец. – Ищу я купить своей жене диво дивное, чудо чудное, да не ведаю, где.

– Эх ты, давно бы мне сказал! Пойдём со мной; у меня есть диво дивное, чудо чудное – так и быть, продам.

□ Пошли вместе; старичок привёл купца в свой дом и говорит:

– Видишь ли – вон на дворе у меня гусь ходит?

– Вижу!

– Так смотри же, что с ним будет... Эй, гусь, подь сюды!

Гусь пришёл в горницу. Старичок взял сковороду и опять приказывает:

– Эй, гусь, ложись на сковороду!

Гусь лёг на сковороду; старичок поставил её в печь, изжарил гуся, вынул и поставил на стол.

– Ну, купец, добрый молодец! Садись, закусим; только костей под стол не кидай, все в одну кучу собирай.

Вот они за стол сели да вдвоём целого гуся и съели. Старичок взял оглоданные кости, завернул в скатерть, бросил на пол и молвил:

– Гусь! Встань, встрепенись и поди на двор.

Гусь встал, встрепенулся и пошёл на двор, словно и в печи не бывал!

– Подлинно, хозяин, у тебя диво дивное, чудо чудное! – сказал купец, стал торговать у него гуся и сторговал за дорогие деньги. Взял с собой гуся на корабль и поплыл в свою землю.

□ Приехал домой, поздоровался с женой, отдаёт ей гуся и сказывает, что с той птицею хоть всякий день некупленное жаркое ешь! Зажарь её – она опять оживёт! На другой день купец пошёл в лавки, а к купчихе любовник прибежал. Такому гостю, другу сердечному, она куды как рада! Вздумала угостить его жареным гусём, высунулась в окно и закричала:

– Гусь, подь сюда!

Гусь пришёл в горницу.

– Гусь, ложись на сковороду!

Гусь не слушает, нейдёт на сковороду; купчиха осердилась и ударила его сковородником – и в ту ж минуту одним концом сковородник прильнул к гусю, а другим к купцовой жене, и так плотно прильнул, что никак оторваться нельзя!

– Ах, миленький дружок, – закричала купчиха, – оторви меня от сковородника, видно, этот проклятый гусь заворожён!

Полюбовник обхватил купчиху обеими руками, хотел было от сковородника оторвать, да и сам прильнул...

□ Гусь выбежал на двор, на улицу и потащил их к лавкам. Увидали приказчики, бросились разнимать; только кто до них ни дотронется – так и прилипнет! Сбежался народ на то диво смотреть, вышел и купец из лавки, видит – дело-то неладно: что за друзья у жены проявились?

– Признавайся, – говорит, – во всём; не то навек так –

сольнувшись – останешься!

Нечего делать, повинилась купчиха; купец взял тогда – рознял их, любовнику шею накостилял, а жену домой отвёл да изрядно поучил, приговаривая: «Вот тебе диво дивное! Вот тебе чудо чудное!»

(Голосов: 7. Рейтинг: 4,29 из 5)

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Диво

Жил-был рыбак. Раз поехал он на озеро, закинул сеть и вытащил щуку; вылез на´ берег, развёл огонёк и начал эту щуку поджаривать: один бок поджарил, поворотил на другой. Вот и совсем готово – только бы съесть, а щука как прыгнет с огня, да прямо в озеро.

– Вот диво, – говорит рыбак, – жареная рыба опять в воду ушла...

– Нет, мужичок, – отзывается ему щука человеческим голосом, – это что за диво! Вот в этакой-то деревне живёт охотник, так с ним точно было диво: сходи к нему, он сам тебе скажет.

□Рыбак пошёл в деревню, разыскал охотника, поклонился ему:

– Здравствуй, добрый человек!

– Здравствуй, земляк! Зачем пришёл?

– Да вот так и этак, расскажи: какое с тобой диво было?

– Слушай, земляк! Было у меня три сына, и ходил я с ними на охоту. Раз мы целый день охотились и убили три утки; ввечеру пришли в лес, развели огонь, ощипали уток и стали варить их к ужину; сварили и уселись было за трапезу. Вдруг старик идёт:

– Хлеб-соль, молодцы!

– Милости просим, старичок!

Старик подсел, всех уток съел да на закуску старшего сына моего проглотил. Остался я с двумя сыновьями. На другой день встали мы поутру и пошли на охоту; целый день исходили, трёх уток убили, а ввечеру развели в лесу огонёк и готовим ужин. Опять старик идёт:

– Хлеб-соль, молодцы!

– Милости просим, старичок!

Он сел, всех уток съел да средним сыном закусил. Остался я с одним сыном; вернулись домой, переспали ночь, а утром опять на охоту. Убили мы трёх уток, развели огонёк, живо сварили их и только было ужинать собрались, как тот же самый старик идёт:

– Хлеб-соль, молодцы!

– Милости просим, старичок!

Он сел, всех уток съел да меньшим сыном закусил. Остался я

один как перст; переночевал ночь в лесу, на другой день стал охотиться и столько настрелял птицы, что едва домой дотащил. Прихожу в избу, а сыновья мои лежат на полатях – все трое живы и здоровы!

Рыбак выслушал и говорит:

– Вот это диво, так диво!

– Нет, земляк, – отвечает охотник, – это что за диво! Вот в таком-то селе у такого-то мужика так подлинно диво сотворилось; пойдй к нему, сам узнаешь.

□Рыбак пошёл в село, разыскал этого мужика, поклонился ему:

– Здравствуй, дяденька!

– Здравствуй, земляк! Зачем пришёл?

– Так и так, расскажи, какое с тобой диво приключилось?

– Слушай! – говорит. – С молодых лет моих жил я с женою, и что же? Завела она любовника. Мне-то самому и невдомёк это, да люди сказали. Вот один раз собрался я в лес за дровами, запряг лошадь, выехал за околицу; постоял с полчаса времени, вернулся потихоньку и спрятался на дворе. Как стемнело, слышу я, что моя хозяйка с своим другом в избе гуляет; побежал в избу и только было хотел проучить жену маленько, а она ухватила палку, ударила меня по спине и сказала:

– Доселева был ты мужик, а теперь стань чёрным кобелем!

В ту ж минуту обернулся я собакою; взяла она ухват и давай меня возить по бокам: била-била и выгнала вон. Выбежал я на улицу, сел на завалинку и думаю: авось жена опомнится да сделает меня по-старому человеком. Куда тебе! Сколько ни тёрся я около избы, не мог дожидаться от злой бабы милости. Бывало – откроет окно да горячим кипятком так и обдаст всего, да всё норовит, как бы в глаза попасть! А кормить совсем не кормит, хоть с голоду околевай! Нечего делать, побежал я в чистое

поле; вижу – мужик стадо быков пасёт. Пристал я к этому стаду, начал за быками ходить: который от стада отобьётся – я сейчас пригоню; а волкам от меня просто житья не стало – ни одного не подпущу. Увидал мужик моё старание, начал меня кормить и поить, и так он на меня положился, что не стал и за стадом ходить: заберётся, бывало, в деревню и гуляет себе сколько хочется. Говорит ему как-то барин:

– Послушай, пастух! Ты всё гуляешь, а скот один в поле ходит; этак не годится! Пожалуй, вор придёт, быков уведёт.

– Нет, барин! Я на своего пса крепко надеюсь; никого не подпустит.

– Рассказывай! Хочешь, я сейчас любого быка уведу?

– Нет, не уведёшь!

Поспорили они, ударились об заклад о трёх стах рублях и отдали деньги за руки. Барин пошёл в поле и только за быка – как я кинулся, всю одежду на нём в клочки изорвал, так-таки и не допустил его. Мой хозяин получил заклад и с той поры возлюбил меня пуще прежнего: иной раз сам не доест, а меня непременно накормит.

□Прожил я у него целое лето и захотел домой побывать: «Посмотрю, – думаю себе, – не смилуется ли жена, не сделает ли опять человеком?» Прибежал к избе, начал в дверь царапаться; выходит жена с палкою, ударила меня по спине и говорит:

– Ну, бегал ты чёрным кобелем, а теперя полети дятлом.

Обернулся я дятлом и полетел по лесам, по рощам. Пристигла холодная зима; есть крепко хочется, а корму нету и достать негде. Забрался я в один сад, вижу – стоит на дереве птичья принада^[1]. «Дай полечу в эту принаду; пусть меня ребятишки поймут, авось кормить станут, да в избе и теплей зимовать будет!» Вскочил в западню, дверцы захлопнуло: взяли меня ребятишки, принесли к отцу: «Посмотри, тятя, какого мы дятла

поймали!»

□А ихний отец сам был знахарь; тотчас узнал, что я человек, не птица; вынул меня из клетки, посадил на ладонь, дунул на меня – и обернулся я по-прежнему мужиком. Даёт он мне зелёный прутик и сказывает:

– Дождись, брат, вечера и ступай домой, да как войдёшь в избу – ударь свою жену этим прутиком и скажи: «Была ты, жена, бабою, а теперь будь козю!»

Взял я зелёный прутик, прихожу домой вечером, потихохоньку подкрался к своей хозяйке, ударил её прутиком и говорю: «Была ты, жена, бабою, а теперь будь козю!» В ту ж минуту сделалась она козю; скрутил я её за рога верёвкою, привязал в сарае и стал кормить ржаною соломою. Так целый год и держал её на соломе; а потом пошёл к знахарю:

– Научи, земляк, как обернуть мою козу бабою».

□Он дал мне другой прутик:

– На, брат! Ударь её этим прутиком и скажи: «Была ты козю, а теперь стань бабою!»

Я воротился домой, ударил мою козу прутиком:

– Была ты, говорю, козю, а теперь стань бабою!

Обернулась коза бабою; тут хозяйка моя бросилась мне в ноги, стала плакать, просить прощения, заклалась-забожилась жить со мною по-божьему. С тех пор живём мы с ней благополучно в любви и согласии.

– Спасибо, – сказал рыбак, – это подлинно диво дивное!

---

[1] – Приманка для птиц, западня.

☒ ☒ ☒ ☒ ☒ (Голосов: 7. Рейтинг: 4,29 из 5)

 Загрузка...